

Ю М О Р И С Т И Ч Е С К И Й Р О М А Н

АЛЕКСАНДР
МАЛЕНКОВ

КРАСНЫЕ ОГУРЦЫ

от главного редактора журнала

МАХИМ

Звезда СМИ

Александр Маленков

Красные огурцы

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маленков А.

Красные огурцы / А. Маленков — «АСТ», 2015 — (Звезда
СМИ)

Антон Опушкин – обыкновенный дизайнер, молодой человек, плывущий по течению жизни. Но все меняется за один день, когда он влюбляется в чужую жену, и за одну ночь, когда он становится свидетелем убийства. Можно ли позволить себе роскошь быть нормальным, если мир безумен? Выстоит ли криминальная агрессия против логики интеллигента? Сколько действуют галлюциногенные грибы? На эти вопросы автор пытается найти ответы вместе со своим героем. Бандиты, спецназ и изобретатель-наркоман никак не облегчают этой задачи, а опасность, дружба и любовь обрушиваются на Антона с самых неожиданных сторон.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Маленков А., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	14
5	16
6	18
7	22
8	24
9	26
10	29
11	33
12	36
13	39
14	41
15	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Маленков

Красные огурцы

© Маленков А., текст

© Богорад В., иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

1

Антон Опушкин жил размеренной жизнью дизайнера интерьеров, не помышляя о приключениях за рамками организованного туризма. Квартира-студия, в которой он жил размеренной жизнью, являла собой образец минимализма – стиля, в который Антон любил погрузиться, уставая от капризов клиентов. Погружение обычно заключалось в том, что он садился на большой белый итальянский диван и включал большой белый корейский телевизор. Который, в свою очередь, сидел на белой шведской тумбочке, в окружении белых колонок. Также в студии имелись кухня, стол, барная стойка с ноутбуком и большим монитором, пуф и овчина на полу. Все это было белым. Антон сидел на диване и смотрел на телевизор, а телевизор сидел на тумбе и смотрел на Антона. И вокруг царил белая благодать.

Мама Антона хотела, чтобы он женился. Елена Петровна жила в соседнем доме и часто представляла, что она умрет, а Антон так и будет стариться один в своей белой квартире, и никто не будет его кормить, и от неправильного питания он заработает язву, ляжет на крашенные белые доски паркета и будет долго-долго одиноко агонизировать. От этой картины она приходила в отчаяние, которое можно было побороть только одним способом – нажарить котлет, отнести их сыну и смотреть, как он их ест.

– Котик, тебе ведь уже тридцать два, – говорила Елена Петровна, провожая взглядом кусочек котлеты. – Что, невкусно?

– Вкусно, вкусно, – задумчиво отвечал котик.

– А тридцать два – это уже не двадцать. Скоро ты превратишься в пожилого дядьку, я к тому времени уже помру, и кому ты тогда будешь нужен?

– Ну, маа... – говорил Антон.

Он, в общем, был бы не прочь найти подходящую девушку и зажить размеренной жизнью с ней, но девушки, которых он встречал, каждый раз оказывались неподходящими. Антон смотрел на очередную Свету или Оксану, лежащую рядом на белом диване, и ловил себя на одном желании – чтобы она поскорее собрала вещи и ушла. Девушки не вписывались в продуманный интерьер его холостяцкой квартиры. Каждая из вещей тут стояла на своем месте, и стол, и монитор, и пуфик, ни убавить, ни прибавить, – гостью решительно некуда было девать.

Поэтому Антон просто наслаждался одиночеством, то есть ждал подходящую девушку, такую, которая не будет его раздражать и понравится маме. А понравиться маме было несложно, для этого требовалось два качества – московская прописка и умение готовить, которое мама подразумевала под словом «заботливая».

– Вот нашел бы ты заботливую девушку, я была бы спокойна... Но никаких иногородних, ты понял?

– Ой, маа... – отвечал Антон.

Мама знала, что говорила. Она сама была из Северодвинска и в свое время, лет сорок назад, приложила много сил, чтобы найти мужа в Москве и, преодолевая сопротивление будущей свекрови, обзавестись заветной московской пропиской. Эту эпопею она впоследствии называла «жизненный опыт» и использовала в качестве подтверждения своей правоты в дискуссиях с сыном. «Поверь моему жизненному опыту», – веско говорила Елена Петровна. Антон верил.

2

Работа дизайнера интерьеров давала неплохой заработок. Клиенты передавали Антона из рук в руки, особенно хорошо ему давались загородные дома. Секрет успеха состоял в том, чтобы перевести вкусы заказчиков на язык интерьера. Другие дизайнеры навязывали свой стиль, кипели идеями, советовали и горячились. Антон прежде всего смотрел, что за человек перед ним, как он одет, как разговаривает. Он впитывал заказчика с его вкусами, а потом рисовал на своем белом ноутбуке такой дизайн-проект, что клиент восклицал: «Да! Я именно так себе и представлял!» После этого Антон старался полюбить этот интерьер, каким бы ужасным он ни казался.

Однако самыми трудными были случаи, когда у заказчика отсутствовал какой бы то ни было вкус – плохой или хороший, а описание дома мечты происходило в терминах «такой», «красивый» и «удобный». И все, что Антон предлагал по этим скудным ориентирам, наткнулось на уверенное «нет, давай что-нибудь другое». Как назло, именно такие клиенты платили лучше всего, и, возясь с ними, Антон понимал, что работа у него не только приятная, но и тяжелая.

– Я очень устал, – гордо сообщал он маме по телефону, – тяжелый клиент попался.

– Бедный котик! – сочувствовала мама. – Ты покушал?

Как раз таким случаем был Володя, бизнесмен, мучительно строивший дом между Волоколамском и Клином. Из предложенных Антоном популярных концепций «деревенский», «модный», «богатый» ничего не подошло. Более тонкие варианты – баухауз, колониальный стиль, шведский дизайн – вызвали у Володи такой кислый взгляд, что Антон быстро назвал их «экспериментальными». Володя хотел чего-то «особенного». И это было самое страшное слово, потому что, как показывала практика, чем более «особенный» дизайн хотел заказчик, тем меньше у него было понимания, чего же он хочет. Антону предлагалось играть в бесконечную игру «Угадай, чего я хочу, потому что сам я ни черта не знаю».

К счастью, на исходе третьей недели рисования проектов и размахивания интерьерными журналами к Володе с юга Франции вернулась жена.

– Антон, это Анжела, моя жена, – сказал Володя, сидя в плетеном кресле среди руин, которые в будущем обещали стать верандой. – Анжела, это наш дизайнер.

Анжела, крупная девушка в модном атласном комбинезоне, с пышными формами и пышными волосами, с интересом посмотрела на Антона и произнесла с некоторым нажимом:

– Анжелика. Меня зовут Анжелика.

Антон сказал:

– Добрый день.

– В общем так, – продолжил Володя. – У меня проблемы на работе, и я уже замотался с этим домом. Вот она, – он, не глядя на жену, ткнул в нее пальцем, – все тебе расскажет. Нарисуй, как она хочет, и покажи мне.

Сказав это, он с кряхтением поднялся с кресла и покинул руины, шаркая и вздыхая.

Анжелика была из той самой породы женщин, которых так опасалась Елена Петровна. Детство и юность, проведенные в рабочих кварталах Магнитогорска, сделали ее очень целеустремленной. И до девятнадцати лет Анжелика, тогда еще просто Жанна, стремилась только к одной цели – выйти замуж за хоккеиста клуба «Металлург». И как только крупнокалиберная блондинка, сама уверенно владевшая клюшкой и шайбой, достигла этой цели, ей на смену быстро пришла другая цель, куда более необычная для жительницы рабочих кварталов Магнитогорска. Дело в том, что Жанна нечаянно прочитала книгу. Это была «Анжелика» французских писателей Анн и Серж Талон. Образ маркизы ангелов произвел на нее сильнейшее впечатление и навсегда стал путеводной звездой Жанны. Первым делом она обнаружила массу

несоответствий между своим новым мужем Сергеем Антохиным, подающим надежды нападающим, и Жоффреем де Пейраком, французским графом. Да, у него тоже был шрам, правда, не на щеке, а на лбу, и не от шпаги, а от шайбы. На этом сходство неожиданно заканчивалось и начинались неприятные отличия. Он наотрез отказался называть ее Анжеликой. В отличие от Жоффрея Сергей не обладал ни манерами, ни чудесным голосом, ни душевной красотой, заявленными в книге. Но самое грустное заключалось в том, что он не был сказочно богат и не владел родовым замком. Зато пил, матерился и не опускал за собой сиденье унитаза, чего уж точно не позволили бы себе граф де Пейрак де Моран д'Ирристрию даже под страхом гильотины. Анжелика быстро смекнула, что надо двигаться в сторону Франции, на Запад, пережила развод, несколько трудных лет в Москве и нашла Володю, который хоть и не был графом, но зато годился ей в отцы и владел строительным бизнесом. Эти свойства делали его значительно более похожим на Жоффрея. Анжелика решила, что он вполне подходит в качестве ступеньки на пути к превращению себя в маркизу, и благодаря своей целеустремленности стала для Володи хорошей женой. Воспользовалась же она, сама того не подозревая, методом, известным в математике как метод последовательных приближений.

На самом деле Елене Петровне было совершенно нечего бояться. Анжелика уже обзавелась московской пропиской, и ее целью был замок во Франции, а не двушка на Красой Пресне. В Антоне Анжелика сразу разглядела отличный инструмент для своих задач. Она тянулась ко всему прекрасному, к не очень понятной, но такой манящей «душевной красоте», и живой настоящий дизайнер мог отшлифовать ту ее грань, которая отвечала за искусство и культуру. Расправив литые плечи, Анжелика подвинулась на краешек кресла, наклонилась к Антону и произнесла:

– Так вы художник?

– В некотором роде, – ответил Антон. Ему было приятно, что его назвали художником.

– Вы будете моим наставником!

– Наставником? – удивился Антон.

– Я немного рисую, – объяснила Анжелика и несколько раз взмахнула пышными ресницами с такой силой, что Антону показалось, будто подул ветер. – Я хочу стать лучше, чтобы вырваться из этого ужасного мира!

Анжелика сделала жест в сторону громады загородного дома, показывая, из какого именно мира она собиралась вырваться.

– Я одинокая, но не сломленная женщина, – быстро добавила она, почувствовав замешательство будущего наставника. – А вы, я вижу, человек благородный и не откажетесь протянуть руку помощи.

– А ваш муж... – начал было Антон.

– Он меня не понимает.

– А как же интерьер?

– Ты такой смешной! – Анжелика шлепнула Антона по коленке, расхохоталась и покинула веранду, покачивая атласными бедрами.

Анжелика всегда прибегала к этому приему, если разговор заходил в тупик, то говорила: «Ты такой смешной!» и уходила, давая возможность собеседнику наблюдать дивный контраст между ее узкой талией и широкими бедрами. Собеседник оставался в недоумении, с ощущением смехотворности своей логики перед великим женским началом.

«Какая интересная женщина!» – подумал Антон. С этой невинной мысли началось разрушение размеренной жизни дизайнера интерьеров Антона Опушкина, повлекшее позже события государственного масштаба.

3

Не теряя времени, Анжелика наведлась в художественный магазин и приобрела там этюдник, масляные краски, картон и обойму кисточек. Одну из пустующих комнат она назвала мастерской и принялась энергично переносить краски на грунтованный картон.

С появлением хозяйки отделка дома пошла бойчее. Она показала Антону альбом «Версаль. История роскоши» и сказала: «Что-нибудь типа этого». И уже на следующий день по всем строительным рынкам Москвы и Подмосковья поскакали гонцы скупать лепнину, канделябры и золотую краску. Работа закипела, Антон проводил в Володином доме по десять часов в день. Из-под пыльного целлофана и штукатурки начали проклевываться ростки чего-то версальского.

Закипели и отношения с Анжеликой. Она, надев передник поверх пеньюара, приводила дизайнера в мастерскую, показывала перепачканный красками картон и с интонацией больного на обследовании спрашивала: «Ну как?» Антон честно отвечал, что никак, что Анжелике надо начинать с азов рисунка. Любая его реплика, содержащая слова «цвет», «свет» или «перспектива», встречала бурную реакцию начинающей художницы. «Ты открыл мне новый мир!» – восклицала Анжелика.

За несколько дней общения с ученицей Антон получил большую порцию восхищения своими художественными талантами, чем за всю предыдущую жизнь. Его называли гением, мастером, творцом и даже один раз маэстро. От такого обращения Антон совершенно размяк – ему начало казаться, что Анжелика действительно подает надежды. К тому же она очень волновала его как женщина, и Антон прилагал усилия, чтобы скрыть это, к восторгу Анжелики, читавшей эмоции мужчин как открытую книгу.

Как-то в середине дня, проведя инспекцию купленных дубовых панелей для обшивки каминного зала и одоббив их, Антон снова оказался в мастерской. Радостный июньский свет заливал ее сквозь панорамные окна. В жарких лучах кружились пылинки ремонта; слегка вспотевшая Анжелика стояла в своем переднике подле этюдника и молча ждала реакции наставника на рисунок гипсового шара. Рисунок никуда не годился, тени лежали неправильно, и Антон принялся горячо объяснять законы светотени.

– Понимаешь, Анжелика, – начал он, – тень на шарообразной поверхности сгущается, сгущается, но не до конца, ближе к драпировке есть рефлекс...

Антон запнулся. Его художественное чутье подсказывало, что на самом деле ученица вполне преуспела в воплощении идеала шарообразной поверхности. Только не на картоне, а в самой себе. Грудь Анжелики выпирала из широкого выреза передника, и тени распределялись по груди так, как не нарисует ни один художник. Антон сглотнул и облизнулся, стараясь вспомнить, что именно он хотел сказать про рефлекс и драпировку. Анжелика знала этот взгляд – плод созрел. Она сделала шаг и впиалась губами в свою жертву. Антон попятился, совершая вялые действия руками, как будто пытался одновременно обнять ученицу и оттолкнуть ее.

Как и всякий профессионал, он имел свои правила. Одно из них гласило – не заводить романов с клиентами. Но правило это было непостоянным. Когда попадалась симпатичная клиентка и роман с ней не грозил осложнениями, Антон выключал правило. А потом опять включал. Замужние клиентки были веским поводом оставаться принципиальным, и про Анжелику Антон сразу решил, что правило есть правило. Пятясь от ее поцелуя, он еще раз мысленно взвесил все за и против, вспомнил кислые мины охранников Володи и нашел в себе силы остановиться.

– Анжелика... – просипел он и, откашлявшись, начал снова: – Анжелика, мы не должны...

– Ах, я так и знала! – воскликнула Анжелика. – Я такая дура! Как я могла подумать, что понравлюсь такому мужчине, как ты!

– Дело не в этом! Ты замужем. Это было бы неправильно и непрофессионально...

Анжелика отступила и внимательно посмотрела на Антона. Соппротивление! Это то, что она любила больше всего. Антон в свою очередь смотрел на Анжелику. Женщина, с которой у него еще ничего не было, но вот-вот могло бы быть, – его любимый тип женщин. Так они стояли и любовались друг другом, пока Антон не заметил, что Анжелика снова начала медленно приближаться.

– Анжелика, – произнес он, отступая, – ты красивая девушка. Возможно, в другой жизни мы могли бы быть счастливы вместе, но... Ты замужем, а я отношусь к этому серьезно.

– Что же делать? – деловито осведомилась Анжелика.

– Страдать, – ответил Антон, немного подумав. – Нам, творческим натурам, это полезно. Это облагораживает и позволяет выразить эмоции в творчестве.

«Евгеньич!» – раздался из глубин дома зычный голос прораба.

– Мне пора, – произнес Антон и выскользнул из мастерской, раздраемый противоречивым ощущением, что он дурак и молодец одновременно.

Мысль о благородстве страданий показалась Анжелике чрезвычайно освежающей. В этом было что-то от лошадей, несущихся во весь опор, от молний, освещающих башни замка в полночь, и тому подобных образов, подаренных ей Анн и Сержем Галон. «Как это прекрасно! – подумала она, вытирая тряпкой взмокшие подмышки. – Страдать! А дизайнер еще интереснее, чем я думала». Запретная любовь под сводами недостроенной дачи – опыт, который ей явно

стоило пережить, чтобы еще дальше продвинуться по пути между Жанной из Магнитогорска и Анжеликой из книжки.

Не имея привычки откладывать дела, она взяла телефон и отправила Антону сообщение такого содержания: «Антуан! Судьба распорядилась, чтобы мы были несчастны. Я страдаю. А ты?)))»

Получив это сообщение, Антон задумался. Анжелика открывалась ему с новой стороны. До сих пор он считал ее соблазнительной, но недалекой и избалованной женщиной. Теперь оказалось, что это сердце могло страдать. Возможно, как раз такая девушка могла бы составить его счастье – красивая и тонко чувствующая, называющая его «маэстро». Поразмыслив, он написал ответ: «Анжелика, я в смятении. И впервые за долгие годы мне снова хочется рисовать».

4

За две недели страсти этой переписки разгорелись, съехав от стиля романтической поэмы к стилю эротического романа.

«Я так хочу тебя!)))» – писала Анжелика.

«Я тоже, но нам нельзя!» – отвечал Антон.

«Я в ванной голая!)))» – сообщала Анжелика.

«Как жаль, что я не могу быть рядом!» – восклицал Антон.

«Мой муж стоит на пути нашего счастья!)))» – вспоминала Анжелика.

«Будем страдать», – напоминал Антон.

«Я страдаю))) а ты?)))»

«Безмерно».

Привычка Анжелики использовать смайлики вместо знаков препинания, вызванная явным непониманием смысла как первых, так и вторых, умиляла Антона. Смутное ощущение, что вот такая переписка как-то специально называется, заставила Анжелику полезть в Интернет и обогатиться термином «эпистолярный». От этого она почувствовала себе еще более возвышенно и романтично. «Как все романтично, – думала она, – как все эпистолярно!» Муж Володя неожиданным образом тоже возвысился в ее глазах, превратившись из усталого и задерганного бизнесмена в препятствие на пути к счастью двух страдающих сердец. Что бы он ни делал – засыпал ли в кресле перед телевизором или жадно ужинал, уткнувшись в телефон, – все это теперь приобретало демонический окрас. «Тиран! – думала Анжелика, с некоторой нежностью глядя на мужа, выскакивающего из бани помочиться на забор. – Ссыт на забор, а сам в это время рушит чье-то счастье».

Она бы очень удивилась, узнав, что ее муж Володя тоже живет тайными страстями, причем очень похожего свойства. Женившись на Анжелике два года назад, он думал, что берет в жены милую провинциалку, которая будет льстить его самолюбию своей красотой и скрашивать его будни своим очарованием. Он представлял, как повезет ее за границу, проведет по магазинам, покажет все чудеса мира, которые можно купить за деньги, а взамен получит благодарность и восторг. Восторг, который он в свои пятьдесят четыре года уже давно разучился испытывать, но который можно заново пережить, глядя на мир глазами юного существа. Володя представлял, как он входит с Анжеликой под руку на мероприятие и слышит завистливый шепот приятелей: «Петрович какую себе отхватил!» Представлял вечера у телевизора в обнимку с упругим телом Анжелики и весь тот уют, который только может создать женщина в жизни мужчины. А главное, Володя хотел, чтобы после свадьбы из его жизни навсегда ушла необходимость думать о женщинах. Вернее сказать, проститутках, которых он нанимал не столько из подлинного желания, сколько из чувства долга.

Этим мечтам не суждено было сбыться. Володя в своих фантазиях допустил одну ошибку. Он не подумал о том, что Анжелика будет где-то рядом не только когда ему этого хочется, но постоянно. И окажется чем-то совершенно противоположным идее спокойствия и уюта. Ее было много, и она все время чего-то хотела. А главное неприятное открытие состояло в том, что Анжелика считала, что это она осчастливила старого козла, а не он ее. И ее обязанности жены исчерпываются самим фактом проживания под одной крышей и сексом. Дальше начинались права. Она требовала общения, кабриолет, вместе пить вино, инструктора по йоге, не храпеть, кулон в виде ее знака зодиака, кальян, орального секса и цветов.

Володя с тоской вспоминал о своей безмятежной холостяцкой жизни, и даже проститутки теперь казались милыми и альтруистичными девушками. Мысль о разводе грела и одновременно пугала его, как пугала и сама Анжелика. Было понятно, что если есть на свете женщина,

которая превратит развод в кромешный ад, то это, конечно, его законная жена. Супружеская измена – хорошая, качественная измена жены с доказательствами – была бы отличным выходом, и Володя решил приложить все усилия, чтобы заставить жену изменить и зафиксировать это позорное событие.

Скромный дизайнер, появившийся в их недостроенном доме, поначалу не вызвал его интереса в качестве разрушителя семейной идиллии. Но заметив, что очередным сумасбродством Анжелики стало рисование, Володя воспрял духом. А проверив в очередной раз распечатку сообщений с телефона жены, он почувствовал, как на его голове режутся хорошие крепкие рога. Переписка ясно давала понять, что супруга неверна. После небольшой консультации с адвокатом Володя дождался приезда Антона и пригласил его в кабинет.

5

Сексуальная девушка, с которой еще не было секса, творила с Антоном чудеса. Сублимация, призванная воплощаться в творчестве, в этот раз почему-то целиком употребила свою энергию на изменение сознания своего хозяина. Образ Анжелики затмил его горизонты. Ее кричащие наряды и уральский акцент больше не тревожили его эстетического чувства. Идеал как он есть, женщина, с которой хотелось прожить жизнь, любящая, готовая восхищаться и такая соблазнительная – Антон был счастлив. Он летал как на крыльях, как на крыльях приехал на работу и на них же впорхнул в кабинет Володи.

Хозяин наспех обставленного кабинета указал на один из двух новеньких стульев, несколько нарочито стоявших перед столом.

– Присядь, маэстро, – сказал он. Антон так привык к этому обращению от Анжелики, что совершенно не обратил внимания на саркастическую интонацию и даже решил, что «маэстро» стало его ласковым прозвищем в этой милой семье.

Антон сел, а Володя встал, прошаркал к двери и, распахнув ее, прокричал: «Жанка!» Голые гипсокартонные стены эхом отразили странное слово.

– Жанка! – еще раз крикнул Володя. – Поди-ка на пару слов!

Он вернулся на место, грузно уселся в неудобное кожаное кресло в стиле рококо. Через минуту в кабинет вихрем влетела Анжелика в розовом спортивном костюме.

– Вова, блин! Сколько раз я просила не называть меня... – Она запнулась, увидев Антона, и мгновенно сменила образ.

– Антуан, простите мою несдержанность, не знала, что вы здесь. – Эпистолярный стиль как-то сам собой установился в манере общения несчастных влюбленных.

– Садитесь, ребята, – добродушно сказал Володя.

Когда все расселись, он еще немного посмаковал этот долгожданный момент и приступил к делу.

– Антон, ты трахаешь мою жену.

В тишине, которая последовала за этой фразой, было слышно, как рабочие сверлят стены в гостиной, как на улице лает собака и как язык Антона отлипает от нёба, чтобы что-то сказать.

– Владимир Петрович! – наконец воскликнул Антон. – С чего вы взяли?! Это неправда!

Владимир Петрович резко поднялся и двинулся на Антона, Антон подскочил, опрокинув стул, сделал шаг назад, но было поздно – тиран, мешавший счастью двух сердец, заключил его в объятия и похрюкивал от нахлынувших чувств. «Вот так же было с Анжеликой, – не к месту подумал Антон, – только сейчас мы не целуемся».

– Дорогой мой... – стонал Володя, глядя Антона по спине, – дорогой мой человек...

Наконец хозяин кабинета отстранился, смахнул слезу, двумя руками схватил Антонову ладонь и проникновенно произнес:

– Антон, Антоша... Ты любишь эту суку, не отпирайся, я читал ваши смс-ки. Это прекрасно! Я тебе ее дарю. Забирай ее отсюда, вези куда хочешь, к чертовой матери, чтобы я больше никогда ее не видел! Понял?

Антон неуверенно кивнул.

– Теперь ты, – обратился Володя к почти уже бывшей супруге. – Жанна... Анжелика... Один черт – ты не представляешь, как ты меня достала! Я говорил с адвокатом, после доказанной измены я могу развестись с тобой без потерь. Но чтобы не выгнать тебя на улицу, я вручаю тебя этому дебилу. Чтобы он о тебе заботился, кормил и все такое... Ты понял? Не дай бог обидишь ее – повешу твою башку над камином вместо оленьей! Будьте счастливы, дети! Пошли вон отсюда!

Володя похлопал Антона по плечу, поцеловал окаменевшую Анжелику в макушку, уселся за стол и уткнулся в компьютер.

– Идите, идите, – помахал он новобрачным. – И ты, маэстро, кстати, чтобы завтра был на работе. Война войной, а обед по расписанию.

6

Тарахтела бетономешалка, солнце без особого успеха пыталось отражаться в грязных окнах недостроенного особняка, можно было даже подумать, что мир не рухнул. Анжелика пришла в себя только в машине. Антон почему-то не заводил мотор, а сидел, разглядывая логотип «Volvo» на руле. По его напряженному лицу можно было подумать, что он обдумывает свою судьбу, или молится, или думает, как объяснить маме неожиданный поворот биографии, но лицо бывает обманчиво. Анжелика бы очень удивилась, узнав, что мозг Антона сейчас занимает всего одна мысль: «Сегодня будет секс с Анжеликой». Героиня этой фантазии, напротив, была предельно далека от игривых мыслей. Она начала понимать, какой огромный бросок назад на пути к мечте сейчас произошел. Слова, в которые облекалась эта мысль, были существительными. «Вещи, – думала Анжелика, – деньги, одежда, драгоценности».

– Вещи! – вскричала она и выскочила из машины.

Подбежав к воротам, она принялась давить на кнопку домофона.

– Да, дорогая? – послышался довольный голос Володи.

– Вещи! – задыхаясь, повторила Анжелика.

– Хрен тебе! – радостно ответил Володя.

– Одежда!

– Одежда? Одежда твоя мне не нужна. Сейчас, погоди.

Володя повесил трубку на том конце, а минут через пять через двухметровые железные ворота перелетела пара чемоданов. Анжелика яростно изучила их содержимое и, наконец, дала волю чувствам.

– Скотина! – кричала она, пиная ворота. – Старый козел! Жирный ублюдок!

Ворота отзывались глухим жалобным лязгом. Антон некоторое время любовался этой сценой, не переставая воображать, как сегодня вечером, нет, прямо сейчас, через какой-то час он снимет с нее этот спортивный костюм... Он вышел из машины, уложил чемоданы в багажник между образцами лепнины, плитки и паркета и, взяв неистовую Анжелику под локоть, затолкал ее на переднее сиденье.

– Ну все-все, – забормотал он, теперь уже вполне легитимно глядя ее тугую коленку, – поехали домой...

– Гад! Ничего ведь не было! Мы же даже не трахались!

По пути в Москву Анжелика еще некоторое время поупражнялась в ругательствах по адресу бывшего мужа, употребляя обороты совсем не эпистолярного жанра, немного смущая этим счастливого Антона. Потом она успокоилась и стала обдумывать свое положение. Энергия, которую Володя вложил в слово «достала», искренность, с которой он радовался, не оставляла сомнений в подлинности его чувств, а значит, и надежды помириться и вернуться. Как это часто бывало у книжной Анжелики, у нее в жизни явно начиналась новая глава. Началась она плохо, но в книжке потом всегда становилось хорошо, а значит, нужно взбодриться, не терять... как это там пишут... присутствия духа и жить дальше. Анжелика окинула мысленным взглядом свои текущие активы. Два чемодана барахла и влюбленный нищий дизайнер. «Гори оно все огнем», – подумала Анжелика. Наказали без вины, теперь можно и согрешить. В конце концов, она столько мечтала об этом, напридумывала себе целый эпистолярный роман...

– Сука, – сказала она уже спокойно, – говноед. Милый! А ведь теперь ничто не стоит на пути нашей любви?

– Ничего, Анжелика! – подтвердил Антон, давя на педаль газа.

– И мы будем счастливы?

– Не то слово!

– Не об этом ли мы мечтали?

– Об этом! Судьба улыбнулась нам!

Анжелика глубоко вздохнула и нежно привалилась к плечу художника. «Все-таки он идиот, – подумала она. – Но хотя бы симпатичный».

Чем ближе подъезжали они к Москве, тем больше распялся Антон. Уже в лифте они начали целоваться и сдирать друг с друга одежду, а дома, не дойдя до спальни, повалились на белый диван и занялись бурным двухминутным сексом. После чего каждый задумался о своем.

Анжелика оглядывала свое новое жилье, поражаясь его вопиющей пустоте. В сознании же Антона происходили куда более масштабные процессы. Королева его эротических фантазий последних недель стремительно превращалась из девушки, с которой у него не было секса, в девушку, с которой у него был секс. Вместе с этой метаморфозой рушился и романтический образ. Плюшевый спортивный костюм со стразами омерзительно безвкусно розовел на белом полу, а неприличные междометия, сопровождавшие Анжеликину страсть, лежали в ушах цементными пробками.

– Я бы сейчас выпила пива, – сказала Анжелика, – а ты бы сейчас чего хотел?

Больше всего Антон хотел сейчас, чтобы Анжелика ушла. Даже не ушла, а лопнула, как в мультфильме, и испарилась вместе с чемоданами и тяжелым запахом духов.

– Сходить в душ. И в отличие от пива... и всех прочих невыполнимых желаний эта мечта осуществима.

В ванной Антон постарался бороться с собой. Он напомнил себе о связи между настроением и уровнем тестостерона, который падает сразу после секса. Не без усилия попытался вызвать в памяти образ ученицы у мольберта в перепачканном краской переднике и вообще все то, что ему нравилось в Анжелике. И даже пробормотал что-то вроде «стерпится-слюбится, привычка свыше нам дана, замена счастью она». Из ванной он вышел в решимости не сдаваться так быстро и постараться полюбить то существо, которое досталось ему под видом девушки-мечты. Но его ждал новый удар. Существо уже развило бурную деятельность в квартире – развесило на спинке белого дивана одежду разных цветов, расставило на подоконнике косметику и перетасило к нему пуфик. В телевизоре уже дергалась какая-то омерзительная поп-группа, а сама Анжелика что-то ела у открытого холодильника.

– Что-то жрать охота, – сообщила она.

– Там есть творожок и бананы...

Антон придерживался концепции здорового питания, и в его холодильнике редко бывали продукты, которые можно «жрать». Он с неодобрением смотрел на пуфик, переехавший без спроса на новое место.

– Любимый! – продолжила Анжелика с набитым ртом.

– Да, любимая.

– Нам надо поговорить.

– О чем, милая?

– Как жить будем?

– Ну так... Как люди живут. Работать, отдыхать, кино смотреть...

– И где мы будем отдыхать?

– Вот завтра приглашают на транс-пати на заброшенной угольной шахте. – Антон взял со стола белый конверт с приглашением. – Это недалеко от Москвы, около Волоколамска. Дресс-код – только белое.

– Надо купить что-нибудь белое. Кстати, ты сколько зарабатываешь, любимый? О, банан!

– Ну, когда как, смотря какие заказы. Иногда три тысячи долларов, иногда десять...

– В месяц? – с удивлением уточнила Анжелика.

Антон считал, что он хорошо зарабатывает, и допускал, что другая девушка на месте Анжелики была бы приятно удивлена. Но на месте Анжелики была Анжелика, и та смесь умиления и разочарования, которая слышалась в ее удивлении, никак не делала его похожим на приятное.

– Ну да, – виновато подтвердил Антон.

– Плохо дело, милый, – подытожила Анжелика, – ой плохо. И мяса нет никакого...

Но есть идея.

И с тоской закрыв холодильник, не оправдавший ее надежд, так же как и его хозяин, она изложила свою идею:

– Володя, старый козел, дарил мне подарки. Украшения, золото, ну ты понимаешь.

Их надо забрать и продать.

– А он отдаст?

– Конечно нет.

– А как же ты их заберешь?

Анжелика выудила из чемодана косметичку и помахала ею.

– Вот здесь ключик от сейфа, и в нем кое-что лежит.

– Ты хочешь забрать без спроса, милая?

– Да, дорогой.

– Но это же... воровство.

– Послушай, любимый, – с некоторым раздражением произнесла Анжелика, – сядь и послушай. Это чьи подарки?

– Твои.

– Можно украсть что-то у самой себя?

– Нет.

– Значит, это не воровство, а что?

– А что? – тупо повторил Антон, полностью смытый этим логическим цунами.

– Откуда я знаю – что? Я женщина! Но подарки надо забрать. Это будет справедливо. Да?

Антон неуверенно кивнул.

– Не слышу, – с нажимом произнесла будущая маркиза ангелов, переходя на риторические приемы гопников магнитогорского района Двинчик.

– Да, – быстро согласился Антон.

– Так вот, у тебя ведь есть ключи от дома и всех дверей?

В компетенцию Антона входили не только ключи и замки от всех дверей дома, но и сами двери, дверные ручки и даже декоративные накладки на замочные скважины.

– Мы аккуратно зайдем, откроем сейф и для начала возьмем чемоданчик со свинкой...

– Свинкой?

– Это был его подарок на мой день рождения, – вздохнула Анжелика, – золотая свинка, инкрустированная бриллиантами. На заказ делали... Я по гороскопу свинья.

– Ааа, – протянул Антон, как будто теперь для него многое разъяснилось, – ну теперь понятно...

– Что тебе понятно? Не слышу!

– Ничего... понятно, почему свинка. Потому что по гороскопу.

– Там еще кое-что по мелочи – колечки, сережки, на первое время хватит.

– А ты не можешь сама это все?... Я как-то не умею влезать в дома, вскрывать сейфы...

– Во-первых, я не разбираюсь в ключах. Во-вторых, – Анжелика достала телефон и, покопавшись в нем, ткнула его в лицо Антону, – читай, что тут написано?

– Вождедею тебя и смайлики...

– Ниже.

– Твой рыцарь навеки.

– Это кто писал?

– Я.

– Ты мой рыцарь. Рыцарь не может отправить даму одну вскрывать сейф. За базар нужно отвечать.

7

На закате Антон припарковал машину в некотором отдалении от дома Володи. Для конспирации он надел спортивную куртку с капюшоном. Зайдя через калитку со стороны леса, там, где не было будки охраны, они с Анжеликой легко пробрались в дом. Володиной машины не было, очевидно, он уехал по делам, рабочие тоже ушли. Дом, привычный дом, был Анжелике родным, но уже немного чужим, как школа после выпускного. Голые стены, лестница, мебель в целлофане как бы говорили ей: «Мы тебя пока помним, но это больше не твое место». Она вздохнула и направилась на второй этаж в кабинет Володи, где за портьерой в стене пряталась ниша, а в ней сейф. Под диктовку своей возлюбленной Антон ввел код, открыл его и увидел коричневый чемоданчик-дипломат.

– Бери, что смотришь, – сказала Анжелика.

Через пять минут они уже заводили машину. А еще через полтора часа Анжелика водрузила чемоданчик на стол и с мурлыканьем открыла его. Драгоценностей внутри не было. Взорам новобрачных предстало несколько слоев аккуратных пачек 500-евровых купюр в банковских упаковках, на каждой из которой значилось «50 000».

– Это что? – удивился Антон.

– Это, Антон, деньги, – произнесла Анжелика.

– Ммм, а где свинка?

Анжелике на ум пришла фраза «деньги не пахнут», и она удивилась глупости этой фразы. Деньги пахли, и еще как! Они пахли бумагой и типографской краской, кожей чемоданчика, а если принюхаться, что Анжелика и проделала, можно было учуять запах моря, шампанского, трюфелей и даже вековую сырость старинного замка.

– Видимо, мы взяли другой чемодан. Но это лучше, чем свинка, – подытожила она. – Поверь мне, я в этом разбираюсь. Тут миллиона два евро. Это много свинок, целое стадо свинок!

– Но это же не твои деньги, верно?

– Теперь мои. – Анжелика захлопнула чемодан и посмотрела на Антона так, как будто он фашист, собирающийся отнять у нее младенца для фашистских опытов. – Мои! Должна же я после развода хоть что-то получить?

– И это не воровство?

– Любимый, не кипишись. Нас никто не видел. Мы можем завтра же уехать в Монако, забыть про это убожество, – она обвела рукой минималистичный интерьер студии, – начать новую жизнь. Никто никогда не узнает. Ты понимаешь, как нам повезло?!

Но Антон не был готов разделить с Анжеликой трактовку этого события как везение. К тому же он слегка обиделся на убожество. То, что произошло два часа назад, являлось типичным воровством, кражей со взломом. И вместо Монако, пляжей и замков ему мерещились Воркута, тундра и барак.

– Это надо вернуть, – твердо сказал он.

– Любимый, тебе мозг надо вернуть, не знаю уж, где ты его оставил. Во-первых, ты не сможешь этого сделать – Вован уже, наверное, дома. Во-вторых, попробуй для начала отними.

Анжелика была крупной женщиной, но Антону никогда не приходило в голову оценивать ее физическую силу. Сейчас она стояла перед ним, как Родина-мать – высокая, мощная, готовая к праведной битве. Стояла, сверкая глазами, грозно шевеля ноздрями и улыбаясь.

– Антон, – рассудительно сказала Анжелика. – Ты малахольный, хоть и художник. Твое дело – рисовать, писать стихи. А хозяйство, – она похлопала по чемоданчику, – предоставь уж мне. Так и будем жить. Согласен?

– Это преступление, – упрямо пробормотал художник. – Нас посадят в тюрьму. Тебе хорошо, ты сильная, знаешь тюремные слова – «не кипишись», «малахольный»... А мне в тюрьму нельзя.

Анжелика ничего не ответила, встала, подошла к Антону, внимательно, как хозяйка собаку, осмотрела его с головы до ног и заключила в свои тяжелые объятия. Объятия сопровождалась поцелуем такой силы, что Антону показалось, будто Анжелика хочет его проглотить. Влечение к ней было еще свежо, поэтому дискуссия на морально-этическую тему кончилась в спальне.

Обхватив Антона руками и ногами, Анжелика уснула богатырским сном. Но ему не спалось. Он крутил в голове эту ситуацию так и сяк, честно пытался примерять на себя образ безнаказанного похитителя, прожигающего жизнь в Монако, но совесть потомственного интеллигента неизменно возвращала его в Воркуту. Ему казалось, что он лежит в бараке на нарах, фонарь на вышке освещает холодным светом стену, а в объятиях его сжимает не Анжелика, а... Антон вскочил с кровати и побежал в ванную. Умывшись холодной водой и посмотрев на себя в зеркало, он понял, что будет дальше.

8

Через полтора часа Volvo в третий раз за этот долгий день остановилась возле дома Володи. Из машины вылез человек в спортивной куртке и капюшоне, надвинутом на лицо. В руках он сжимал чемоданчик-дипломат. Неловкими прыжками добежав до задней калитки, он открыл ее ключом и вошел на участок.

Чемодан жег руки, и Антон боролся с желанием бросить его в любой комнате и бежать сломя голову. Планировка дома была его собственным произведением, поэтому он легко добрался в темноте до кабинета Володи и медленными шагами приблизился к портьеру. В доме было тихо. Наверное, хозяин еще не возвращался. Оставалось ввести простой код, сунуть злосчастный чемодан обратно в сейф, возможно, взять другой, со свинкой, если таковой там окажется, и тем же маршрутом вернуться к машине. Совсем без добычи Антон показаться дома боялся. Он вообще заметил, что на смену сексуальному влечению к Анжелике пришло вовсе не равнодушие. Доминирующим чувством к ней стал страх. Эта женщина несомненно обладала властью над мужчинами. Какой же молодец Володя, как ловко все провернул! Понятно теперь, почему он плакал у меня на плече. По-хорошему говоря, нужно было бы взять немного из чемоданчика в качестве приданого.

Антон зашел за портьеру, поставил чемодан на пол, включил фонарик и осветил им дверцу сейфа. Он уже занес палец, чтобы нажать цифры, которые на всякий случай твердил про себя всю ночную дорогу, как вдруг в глубине дома послышались шум и голоса. Обмирая от ужаса, Антон выключил фонарик, обхватил чемодан двумя руками и замер. Сердце колотилось так, как будто он только что пробежал три километра, жонглируя гантелями. «Только бы пронесло», – думал он.

Но не пронесло. Шаги и голоса приближались, дверь открылась, зажегся свет. В щелочку между портьерами открывался отличный вид на кабинет. Антон увидел Володю, его охранников, еще каких-то людей в черных костюмах и кожаных куртках. Даже если бы в кабинет вошел детский хор, Антон все равно поседел бы от страха, а это были неприятного вида мужчины криминальной наружности.

– Аслан, ты такой нервный, – говорил Володя. – Неужели нельзя было подождать до завтра?..

– Как ты меня назвал? – с кавказским акцентом спросил невысокий человек с бородой.

Володя грузно подошел к столу и стал звенеть ключами.

– Ну вот, я же говорю – нервный... Никак я тебя не назвал, расслабься. – Володя издал что-то вроде хихиканья, но никто из присутствовавших не поддержал веселья. – Деньги есть, все как договаривались.

– Я нервный? Значит, ты считаешь, Вова, что я нервный, да? Исмаил, скажи, я – нервный?

– Аслан, кончай, э? – ответил кто-то, видимо Исмаил.

– Я кончай? Ты мне теперь говоришь кончай? Он должен был деньги когда вернуть? В четверг. Вова, сегодня четверг? Исмаил, у тебя телефон с календарем, посмотри, брат, какой сегодня четверг? Сегодня не четверг. И даже не пятница. Сегодня, – Аслан выругался, – вторник.

– Вот твои деньги, Аслан, – сказал Володя, ставя на стол чемоданчик, очень похожий на тот, что сейчас выскальзывал из потных ладоней Антона. – Не получилось в четверг, извини, брат.

– Ты мне не брат, – отрезал Аслан. – Ты в мечеть не ходишь. Пост не держишь. Свиной ешь. Свинья тебе и брат.

– Ладно, – примирительно произнес Володя, – я тебе не брат. Я пошутил. Ты – мой бизнес-партнер.

– Вова, – медленно проговорил Аслан, – не надо шутить, когда денег должен.

– Открывай, проверяй, – сказал Володя.

Антону не было видно лица Аслана, когда тот щелкнул замочками и открыл чемоданчик. Но Володя просматривался отлично, и цвет, который приобрело его лицо, мог бы идеально гармонировать с белоснежным интерьером квартиры Антона.

– Это что? – тихо спросил Аслан.

– Ой, – сказал Володя, – это недоразумение, это, наверное, не тот...

– Это свинья?

– Это подарок...

– Ты мне свинью?

– Не тебе, это...

– Я понял, – произнес Аслан, – это шутка, да? Я говорил про не шутить? Ты мне в рамадан даришь свинью?!

Антону было хорошо видно, как Аслан выхватил пистолет, и очень хорошо, слишком хорошо слышно, как погремели три выстрела. Володя повалился на стол и с грохотом сполз на пол.

– Собака!!! – услышал Антон сквозь звон в ушах. – Смешно теперь, да? Сдохни тут как собака...

Потом, вспоминая события той ночи, Антон иногда спрашивал себя, что было бы, если бы он остался стоять за портьерой. Нашли бы его или нет? Но ответа на этот вопрос не было, потому что сразу после слова «собака» ноги сами вынесли Антона из-за портьеры и понесли через кабинет, в холл, по лестнице, прочь, прочь из этого ужасного дома. Он слышал крики у себя за спиной, за ним бежали, но в темном доме, с недоделанными стенами и дверями, перегородженными строительными лесами, он оказался быстрее. Volvo сорвалась с места чуть ли не раньше, чем успела завестись. Не включая фар, Антон рванул по проселочным дорогам. И только минут через двадцать он понял, что погони нет, а коричневый чемоданчик лежит рядом на пассажирском сиденье.

9

Володя при жизни часто оказывался прав. Не ошибся он в своей последней оценке – Аслан Абреков был нервным человеком. Вспыльчивый от природы, он еще умел успокаиваться, когда жил и учился в Грозном, но переехав в Москву, пребывал в постоянном стрессе. Несдержанность и импульсивность принесли ему кличку Асланчик Бешеный, но как ни странно, пошла на пользу карьере. За несколько лет он вырос от рядового выбивателя долгов до предводителя криминальной группировки «Красноогуреченские» и даже числился заместителем главы района по физкультуре и спорту. Но стресс от этого только накапливался. Работать становилось все сложнее. Если раньше для получения долга достаточно было прийти к должнику и посмотреть ему в глаза, то теперь приходилось отвечать на вопросы. А знает ли он Бориса Евгеньевича из ФСБ? В курсе ли Аркадий Борисович из СКР? И уверен ли лично он, Аслан Зелимханович, что Сергей Иванович из ФСКН не расстроится, узнав, что его другу Виктору Тимуровичу отрубили палец. Аслан, человек действия, не мог удерживать в голове все эти имена и аббревиатуры. Энергия требовала выхода, он срывался и потом дорого расплачивался за это. Он почти всегда жалел, что убил или покалечил человека. Последующие хлопоты – разговоры с главой района, взятки в полицию – приносили еще больший стресс и явно не стоили жизни тех ничтожных людей.

Во всем мире, и даже в Чечне, мужчины, замотанные на работе, могут расслабиться в кругу семьи. Но и здесь Аслану приходилось нервничать. Сусанна была армянкой. И за тот порыв десятилетней давности, когда юная стройная студентка Чеченского государственного педагогического института на праздновании Дня города посмотрела жгучим взглядом на юного студента Чеченского института бизнеса и управления, за тот порыв Аслану тоже приходилось расплачиваться. Его родители были недовольны, ее родители были недовольны. Но Аслану так хотелось жениться на Сусанне, что причину недовольства родственников он осознал лет через шесть. Когда Сусанна обогатила его тремя наследниками, а себя тридцатью килограммами живого веса. Но это были скорее плюсы. Минусом было то, что каноны армянского отношения жены к мужу сильно расходились с чеченскими. Ни о какой покорности мужу или сдержанности, так красивших чеченских девушек, в случае с Сусанной и речи не могло быть. К тому же она обладала невероятной проницательностью – Аслану не нужно было даже открывать рот, чтобы выдать себя. Она догадывалась обо всех проделках мужа по его походке и осанке. После каждого опоздания на семейный ужин, после каждой шалости на стороне, после каждого убийства она устраивала такие сцены, что Аслан задумывался – а тому ли в их семье досталась кличка Бешеный?

Женщины имели на него гипнотическое влияние. Он не боялся никого. Один раз, не доставая пистолета, Асланчик Бешеный разоружил целую бандитскую делегацию, приехавшую из соседнего Мочекаменска обсуждать территориальные вопросы. В другой раз он целый час, до приезда зоотехников, удерживал за рога племенного быка, когда тот после длительного воздержания увидел стадо коров, сломал забор и вырвался на свободу. Аслана боялись люди, звери и даже представители промежуточной фазы эволюции – его собственные охранники. А Аслан по кличке Бешеный боялся женщин. Он не просто не мог обидеть женщину, он не мог даже с ней спорить. Особенно если она была крупней его, а это было нетрудно при его росте в метр шестьдесят. Поэтому каждый раз, выезжая на дело, он заранее узнавал, не будет ли на стороне противника представителей этой диковинной расы – женщин.

К несчастью для Володи он был мужчиной. И пал жертвой недоразумения с перепутанными чемоданчиками. Аслан разволновался и теперь, как обычно, жалел о своей несдержанности. Тем более что из-за занавески выскочил и убежал в неизвестном направлении свидетель. Охранники Аслана вернулись в кабинет с виноватым видом.

– Что? – спросил Аслан.

– Ничего, – мрачно ответил Исмаил и почесал бороду. – Ушел.

Охранники Володи стояли тут же, и все трое пребывали в душевном смятении. Во-первых, им не удалось выполнить свои профессиональные обязанности, шеф был пристрелен на их глазах. Во-вторых, ничто не мешало теперь охранникам Аслана пристрелить охранников Володи. И в-третьих, даже если их отпустят, они оставались без работы.

– Так, – сказал Аслан, глядя на Диму, Алика и Юру. – А с вами что будем делать?

Он спросил это грозно, но лимит убийств на сегодня и так был превышен ровно на один труп. Сейчас Аслана больше волновало, что скажет Сусанна, которой он обещал вести себя хорошо.

– Мы это, – начал Дима, переглядываясь с напарниками, – никому не скажем.

– Это че за гомопед был, который убежал? – спросил Аслан.

– Это Антон. Дизайнер. Ремонт тут делает... – отчитался Дима.

– Что, прямо тут делал, да? За занавеской?

Дима не знал, что ответить, поэтому молчал, глядя в пол, как когда-то в кабинете завуча.

– Аслан, – сказал Исмаил. – У него чемодан был. Такой же.

Некоторое время охранные силы с обеих сторон пытались осмыслить это совпадение. За окном лаяли собаки. Первую версию поспешил выдвинуть Алик:

– Может, это был чемодан с деньгами?

Аслан посмотрел на Алика.

– Слышь, Исмаил. Говорит, что, может, тот был с деньгами?

– Адрес знаешь? – спросил Исмаил Алика.

– Знаем-знаем, в Москве живет, – закивали Дима, Алик и Юра.

– Аслан Зелимханович, мы вам найдем его, – сказал за всех Дима. – Вы не сомневайтесь, мы здоровые пацаны. Может, еще какая работа найдется, да, ребят? – Ребята снова закивали. – А то куда мы теперь?..

– Люди всегда нужны, – сказал Аслан. – Надежные... Вы надежные ребята?

– Владимир Петрович не жаловался.

– А ты спроси, может, сейчас пожалуется? Аххх-ха-ха! – пошутил Аслан. – Ладно, разберемся. Поедем сейчас к этому... Как его зовут, говоришь?

– Антон.

– К Антону поедем.

10

Антон тем временем не собирался домой. Скорее, он собирался с мыслями, но испытывал трудности в этом деле. С чемоданом чужих денег, из-за которых на его глазах убили человека, он сидел среди ночи в машине на обочине неизвестной дороги. Что же делать? Что же делать? Антон был законопослушным человеком. Соблазны нарушить закон ни разу не возникли на его жизненном пути. Он знал, что есть на свете преступники, так же как и то, что есть на свете полиция. Которая специально создана, чтобы охранять законопослушных граждан. В голове начал намечаться план. В сущности, он не совершил ничего плохого, просто взял не тот чемодан. Да! Девушка... Нет, жена, гражданская жена, так убедительнее, послала его забрать принадлежащий ей по закону чемодан. А он случайно стал свидетелем преступления. О чем и считает своим долгом доложить. Если честно все рассказать как было, полиция разберется дальше сама, для того она и есть.

Антон завел машину и поехал вперед в надежде встретить населенный пункт и отыскать в нем отделение. Проплутав около часа по подмосковным дорогам, он встретил рассвет в поселке городского типа Красные Огурцы и, прочесав его пустые улицы вдоль и поперек, увидел, наконец, двухэтажное здание административного типа, чем-то похожее на отделение милиции, каким он себе его представлял. Интуиция не подвела Антона, на железной ограде висела табличка «Районный отдел полиции п. Красные Огурцы».

Ворота оказались заперты, но на них была коробочка с кнопкой и надписью «Вызов». Антон надавил на кнопку, репетируя про себя речь. Никто не отозвался. Он позвонил еще раз, и еще раз, пока минут через пять из коробочки не донеслось: «Слушаю!».

– Эээ, добрый вечер... Я хочу заявить о... нарушении. Я стал свидетелем...

– В девять утра приходите, – сказала коробочка.

– Но... Это срочно! Дежурный же должен быть?

– Я дежурный.

– Так вот, – оживился Антон, – я хочу сообщить...

– Гражданин, вам сказали, сейчас никого нет, в девять открываемся, – отрезал дежурный и отключился.

Антон постоял с вытянутым в сторону кнопки указательным пальцем, размышляя об услышанном. Дежурный есть. Но при этом никого нет. Как странно... А если чрезвычайное происшествие? Срочный вызов? Антон снова нажал на кнопку.

– Слушаю!

– У меня срочный вызов!

– По срочному звоните 51-46-18.

Антон достал телефон и набрал. С минуту послушал долгие гудки и снова нажал кнопку.

– Слу...

– Там никто не подходит!

– Гражданин, я же вам по-русски объясняю. Сейчас ночь, там никто и не подойдет.

В девять все придут. И нечего звонить!

– Так вы сами...

Дежурный отключился. Антон посмотрел на часы – было пять утра. Он вернулся в машину, поставил будильник на телефоне на без десяти девять, откинул спинку кресла и закрыл глаза.

Проборовшись с комарами, с солнцем и с неудобным креслом до половины девятого, Антон вылез из машины, сделал зарядку и стал ждать. Без пятнадцати девять к воротам подошел человек в форме и стал открывать их ключом.

– Доброе утро, – сказал Антон, подходя к полицейскому.

– Добренькое! – жизнерадостно отвечал тот.

– У меня срочное заявление!

– Ну что ж, срочное – это хорошо, – одобрил полицейский. – Приму вас первого. Проходите, ожидайте.

Антон последовал за стражем порядка внутрь здания. За стеклом приемной сидел дежурный.

– Привет ночной смене! – воскликнул прибывший сотрудник. – Как прошла ночь? Происшествия были?

– Никак нет, товарищ капитан, все спокойно, – отвечал дежурный.

Вот негодяй, подумал Антон, написать бы на него жалобу. Капитан пригласил Антона следовать за ним, усадил за стул перед кабинетом, отпер дверь, посмотрел на часы, сказал «Сейчас» и закрыл дверь. Антон сел на стул. На двери висела табличка «Оперуполномоченный капитан Иванов С. И.» Ровно в девять из-за двери послышалось: «Войдите!»

В аккуратном кабинете за аккуратным столом сидел капитан Иванов и приветливо смотрел на посетителя.

– Садитесь, – сказал он, – рассказывайте.

– Я волнуюсь, – признался Антон, усаживаясь возле стола.

– Не надо волноваться. Вы в полиции, здесь вас защитят.

Приободренный, Антон набрал воздуха в легкие и честно рассказал всю свою историю. На протяжении рассказа капитан кивал, делал пометки в блокноте, но оставался совершенно спокоен.

– Вот такая история, – сказал Антон. – Я сразу к вам приехал, скрывать мне нечего. Если виноват, готов... Но я ведь не виноват, да? Меня же не арестуют?

– Гражданин Опушкин, виноват или не виноват, у нас решает суд. Пока что я считаю вас свидетелем. Правильно сделали, что приехали. Арестовывать вас никто не собирается. Спасибо за сигнал, как говорится.

– И вот еще, – спохватился Антон, – чемодан этот.

Он положил проклятый чемодан на стол.

– Откройте, – скомандовал капитан.

Антон подчинился. Несколько секунд Иванов, кивая, осматривал содержимое, потом аккуратно приподнял карандашом одну пачку, очевидно, чтобы убедиться, что и под ней тоже лежат деньги.

– Хорошо, – спокойно сказал он, – это мы отправим на экспертизу. Вот бланк заявления. Опишите все еще раз, можно не так подробно. А я пока оформлю прием улик.

С этими словами он протянул Антону листки бумаги и ручку, показал, как оформить заявление, и удалился. Примерно через полчаса он вернулся, прочитал Антоново сочинение, одобрил его и встал из-за стола.

– Ну, Антон Евгеньевич, теперь я вас отпускаю. Больше ни о чем не волнуйтесь, спокойно поезжайте домой, а это все, – он постучал указательным пальцем по заявлению, – теперь наша забота. Вот мой мой телефон на всякий случай. Всего вам хорошего.

Капитан пожал Антону руку.

Выйдя на улицу, свидетель почувствовал огромное облегчение, как будто в животе разжался какой-то кулак. «Как же хорошо жить!» – подумал Антон. Идиллическая местность была под стать его настроению – аккуратно подстриженный газон полицейского участка зелел под голубым небом, березки шумели на ветерке, чистенькая «Газель» проехала по гладкому асфальту. Рыжий мальчик с удочкой шел на речку. А еще говорят, что от Москвы нельзя отъехать на двадцать километров, подумал Антон. Вот же, умеем, если захотим. И даже эстетическое чутье дизайнера не нашло к чему придраться в этом ландшафте. И капитан! Чудо, а не капитан. Приветливый, вежливый, просто лучезарный! А теперь домой и спать.

По дороге Антон остановился на заправке, выпил кофе с бутербродами, купил воды без газа и, уже мысленно пересказывая события прошедшей ночи, как далекое приключение, вырулил на Новорижское шоссе.

11

Эстетическое чутье Аслана тем утром тоже не сидело без дела. Приехав на квартиру к беглецу, он нашел там Анжелику и был сражен наповал.

Она не слышала, как Антон уходил, и встретила рассвет крепким здоровым сном, приущим ей от рождения. Анжелика даже нарочно иногда говорила: «Я дурно спала эту ночь», чтобы выглядеть более утонченной, но в глубине души не очень понимала, что это значит. Охранник-перебежчик Дима звонил в дверь несколько минут, прежде чем она проснулась, сориентировалась и подошла к двери.

– Кто? – спросила Анжелика недовольным голосом.

– Это я, Дима, Анжелика Валерьевна. Владимир Петрович вам вещи передал, – сказал Дима и подмигнул Аслану, призывая нового босса оценить его находчивость.

Аслан достал пистолет. Исмаил зацокал языком и воздел глаза к потолку.

– Совсем озверел Владимир Петрович, в такую рань... Сколько время вообще? – проворчала Анжелика сквозь зевок, отперла дверь и пошла в спальню. – Я сейчас, Дим, только оденусь. Поставь пока...

В белую студию ворвались семеро людей, одетых преимущественно в черное. Аслан, три его бойца и три бывших охранника Володи разбежались по помещению, шелкая затворами пистолетов в готовности предупредить или обезвредить любую опасность. Из спальни вышла Анжелика в халате, потянулась и так и осталась стоять с полувывитянутыми руками.

– Руки можно опустить, – сказал Аслан, разглядывая крупную женщину в мужском халате, который едва доставал ей до колен.

– Это что? – спросила Анжелика, по очереди оглядывая каждого из гостей. – Это столько вещей мне привалило?

– Где он? – тихо спросил Исмаил.

– Кто он? И кто вообще ты? И что тут происходит, Дима? – К Анжелике начала возвращаться дневная энергичность.

– Тут такие дела, Анжелика Валерьевна... – начал Дима и растерянно посмотрел на Аслана.

– Где этот... дизайнер? – снова начал Исмаил.

Анжелика оглянулась по сторонам.

– Откуда я знаю, может, в туалете. Антуан! – крикнула она. – Ты там?

Охранник Аслана по имени Хасан подошел к двери в совмещенный санузел и резко распахнул ее. Потом осторожно заглянул внутрь.

– Пусто, – сообщил он.

– Что за цирк! – взвилась Анжелика. – Ввалились среди ночи, по белому ковру в ботинках, с вольнами, как дети. Я звоню Вове!

– Нет больше Вовы, – сказал Аслан.

– Как это нету Вовы? – Анжелика вопросительно посмотрела на Диму. – В каком смысле? Дима виновато закивал и развел руками в сторону Аслана.

– Вова ошибся, и его больше нет. Мертвый, – объяснил тот.

Нельзя сказать, что Анжелика была совсем не готова к такому повороту событий. Наблюдая за своим мужем, слушая его разговоры, знакомясь с его партнерами по бизнесу, она допускала, что однажды он может стать мертвым. Подобные неприятности случались с некоторыми мужьями ее подруг. Так что на осмысление этого факта у нее ушло секунды две, не больше.

– Значит, я теперь вдова. Это ты его убил?

Аслану не понравился ни сам вопрос, ни тон, которым он был задан. Таким тоном Сусанна спрашивала его: «А о детях ты подумал?» или «За что мне это?». То есть вопрос был риторический. И действительно, не дожидаясь ответа, Анжелика пошла в атаку:

– Убийца! Сделал из женщины вдову и теперь заявляешься к ней вот так! Думаешь, я тебя боюсь? Хочешь и меня убить? На, стреляй! – Она распахнула халат на груди, зная силу своего оружия. – Стреляй, что стоишь?

Аслан сделал шаг назад, его спутники тоже как-то ступевались и попытались хотя бы сойти с ковра.

– Добивай вдову и сироту! На что я теперь буду жить?

– Вова был богатый человек, – сказал Аслан, как-то незаметно для себя втягиваясь в дискуссию. – Правда, он мне должен.

Тут Анжелика поняла, что не все так плохо. Она теперь не просто вдова. Она теперь – богатая вдова. Дома, квартира в Москве, машины – все это теперь ее. Надо поговорить с юристами, оценить наследство. Интересно, было ли у Володи завещание? Еще долг какой-то.

– Если ты убил его, то он тебе больше не должен, – сказала она, переходя на рассудительный тон.

– Не должен, – согласился Аслан. – Теперь ты мне должна.

– Расписка, договор?

Отношения Аслана с Володей носили честный криминальный характер. Володе нужен был подряд на строительство гостиницы, и Аслан за два миллиона евро взялся отговорить других участников тендера. Подряд Володя получил, но сделка была устной.

– Вот мой договор, – Аслан показал пистолет.

– И откуда я должна знать, что ты не врешь? Сколько он тебе должен?

Беседа переходила в деловое русло, Аслан попросил свою делегацию пойти позавтракать и быть на связи. Когда они ушли, он понял, что сейчас придется договариваться с этой большой красивой женщиной. Анжелика тоже поняла, что настает час дипломатии, поэтому переоделась и заварила чай. Она оглядела оппонента – коренастый кавказец с бешеными глазами и бородой такой густоты, что казалось, для ухода за ней нужно фрезеровочное оборудование. С такими темпераментными мужчинами она всегда находила общий язык.

– Я одинокая, но не сломленная женщина, – начала она. – А вы, я вижу, мужчина благородный...

Переговоры шли быстро и плодотворно. Целых двадцать минут Аслан держался, а потом накинуся на Анжелику и совершил второй за этот календарный день поступок, о котором не стоило знать Сусанне.

– Ну, ты горяч! – призналась Анжелика, обмахиваясь журналом «Архитектурный дайджест». – Люблю грузин!

– Я чеченец, – сказал Аслан, пытаясь отдышаться. В другой раз он бы обиделся, но эта баба высосала из него не только физические силы, но и моральные.

– Вижу, что не француз, – хихикнула Анжелика. – Как будем теперь вопрос с бедной вдовой решать, чеченец?

Лишенный своих и без того небольших способностей интриговать и хитрить, Аслан честно рассказал про ночное происшествие, чемоданчик со свинкой и человека за занавеской. Анжелика сопровождала его рассказ комментариями и восклицаниями: «Выстрелил три раза?! Ну ты шепутной! Так ему и надо, есть на свете справедливость!» Картина в итоге сложилась. Они лежали на низкой кровати в японском стиле, застеленной черным бельем. Голая Анжелика напряженно думала, уставившись в потолок, Аслан, так и не успевший толком раздеться, чувствовал, что еще немного – и он опять потеряет контроль.

– Предложение такое, – наконец сказала Анжелика. – Ты мне отдаешь половину этих денег как компенсацию за то, что убил моего любимого мужа, старого козла. Нельзя же просто так убить человека?

– Э-эх! – попытался обобщить свой опыт в этом непростом этическом вопросе Аслан.

– Нельзя, не спорь. За это я говорю ментам, что ничего не знаю, это раз. Ты помогаешь мне разбираться с наследством – это два. Свинку возвращаешь – это три. И иногда, если будешь себя хорошо вести, мы можем вместе культурно отдыхать...

Тут Аслан снова было потерял контроль, но Анжелика крепко, очень крепко взяла его за плечи и спросила:

– Ты согласен, Асланчик?

– Да, да, согласен, на все согласен! – прокричал Аслан.

В двери зазвенели ключи.

– Черт, это наверное, Антуан! – воскликнула Анжелика, вскакивая и натягивая халат. – Застегнись. Ничего ему не говори.

Антон открыл дверь, женщина-мечта накинулась на него с порога:

– Антуан! Это ужасно! К нам пришли какие-то люди, они говорят страшные вещи! Ради бога, скажи, что произошло?

Антон увидел, как ночной знакомый, тот самый, которого называли Аслан, почему-то вышел из его спальни.

– Не стреляйте! – воскликнул он. – Я не виноват!

– Я тебя не трону, – сказал Аслан. – Отдай чемодан и живи.

– Отдай ему чемодан, пусть забирает и уходит! – горячо заговорила Анжелика. – Деньги того не стоят!

– А у меня его нет...

Аслан с Анжеликой переглянулись.

– Я его сдал в полицию.

– Как в полицию?! – вскричала маркиза ангелов. – Ты что, совсем debil?!

– А куда мне было его девать? Я не бандит, я нормальный человек. При мне было совершено убийство, и я пошел в полицию. Ты бы на моем месте поступила так же.

– Бляха-муха, – с чувством произнесла Анжелика, – вот вы красавцы. Просто один другого краше!

– Слышь че, пассажир, – вступил в дискуссию Аслан, – мозги мне не парь. Где бабло?

– Да говорю же вам, в полиции, вот. – Антон достал из кармана квитанцию о приеме улик. Аслан изучил бумажку и что-то сказал себе под нос по-чеченски.

– Кажется, правда отнес. Что ты за человек такой, а? Это же два миллиона евро!

– Человек как человек, – обиделся Антон. – Вы вообще в людей стреляете.

Анжелика барабанила накладными ногтями по столу, Аслан переживал стресс.

– Я в этих ваших разборках принимать участия не желаю. У меня сегодня важное мероприятие, – Антон многозначительно помахал белым конвертом с приглашением на транспати, – мне надо подготовиться, так что прошу вас уйти, – дрожащим голосом закончил он.

– Короче, так, дизайнер, – принял решение Аслан. – Мы сейчас поедem туда, в отделение, и ты как хочешь заберешь чемодан.

– Никуда я не поеду!

Аслан привычным движением достал свой любимый аргумент и передернул затвор.

12

В полдень два черных внедорожника въехали в поселок Красные Огурцы и притормозили в начале Нижней Партизанской улицы.

– Мне тут светиться нельзя, я буду в машине, – сказал Аслан. – Вам тоже. Ты, Хасан, вообще в розыске, я обещал главе, что ты в Ирак уехал воевать. Так что сидим здесь. Иди, инженер, мы тут сидим, за тобой следим.

– Я дизайнер, – буркнул Антон, вылезая на знакомую улицу.

В отделении опухшая женщина в сарафане, мужском пиджаке и сапогах втолковывала дежурному:

– А я говорю, что не уйду отсюда, пока вы его не посадите!

– Не можем мы его посадить, Михална, состава преступления нету, – устало отвечал дежурный из-за стойки.

– С топором за мной бегал, забор порубил – это не преступление?

– Нет такой статьи в уголовном кодексе – порубить забор. Мало ли кто за кем бегал...

– Убить меня грозил, это, значит, не преступление?

– Вот убьет, тогда и приходи.

Разговор этот шел давно, и видно, не в первый раз.

– Извините, – вмешался Антон. – Мне бы к капитану Иванову.

– Вы что, не видите, мужчина, я разговариваю! – взвилась Михална.

– Я вам все сказал, гражданка Потапова. И вы сейчас мешаете работать. Что у вас, гражданин?

– Гражданка, гражданка, – огрызнулась жертва домашнего насилия. – Дармоеды!

– Мне бы к капитану Иванову, – робко повторил Антон. – По делу.

– Иванову? Так он уволился еще утром.

– Как уволился?

– Во, я и говорю! – обрадовалась гражданка Потапова. Она надежно укоренилась на стуле подле стойки дежурного и явно была настроена оставаться в этом безопасном месте до ареста своего мужа. – Дармоеды! Одно название – полиция...

– Но он мне нужен, – жалобно произнес Антон.

– Гражданин, Иванов утром написал рапорт. Нет его и не будет.

– А кто теперь ведет дело? Мы дело утром завели, я свидетель. Вот у меня и эта... квитанция...

Дежурный повертел бумажку в руках, полистал большую общую тетрадь.

– Во-первых, не квитанция, а протокол. А во-вторых, такого дела не зарегистрировано. Ничего по вашему протоколу не значит.

– Во-во, – поддержала Михална. – Нету такого дела. Им вообще нету дела. Ты к ним с головой своей отрубленной под мышкой приходи, тогда они почешутся.

Антон вышел на улицу, пропустив в дверях мужчину в очках и расстегнутой рубашке. Нижняя Партизанская, прямая, как проспект, плыла в полуденном мареве. Вдалеке маячили две черные машины. Знакомый рыжий мальчик с удочками сидел на траве у ворот отделения и играл в телефон. «Вот дела», – подумал Антон. Капитан Иванов производил такое благоприятное впечатление. Он вспомнил про визитку и набрал указанный на ней номер. Абонент оказался временно заблокирован.

Антон вернулся в отделение и застал там продолжение скандала. Мужик в рубахе пере-
гнулся через стойку и втолковывал дежурному:

– Ведьма она! Отравить меня хочет. Вы же меня знаете. Потапов я, Илья Гаврилович...

– Вот отравит, тогда приходите, – бесстрастно отвечал дежурный.

– Знает он тебя, как же, – комментировала Михална. – Ты бы с топором пришел, тебя бы
вся деревня узнала, а так нет.

– Извините, а можно спросить? – сказал Антон.

– Ты понимаешь, – обратился мужик к Антону, – какое отношение?

– Мне только спросить... Извините, а можно узнать, где проживает капитан Иванов?

– Вот как вы думаете, – сказал дежурный, встав из-за стойки и по-хозяйски уперевшись
в нее руками, – могу я вам сказать, где проживает сотрудник органов? Как вы сами дума-
ете, граждане, когда задаете такой вопрос, а? Что я выдам вам всю секретную информацию?
Где ракеты наши стоят, код от сейфа, что вам еще рассказать? Есть такое понятие – государ-
ственная тайна. Я понятно излагаю?

– Понятно, я просто спросил...

– Ну тогда, если у вас, конечно, больше нет вопросов, я попрошу вас не отвлекать органы.

Закончив свою саркастическую речь, дежурный сел и принялся копаться в толстой тет-
ради. Михална достала конфету, развернула ее и положила в рот.

– Ракеты! А то мы не знаем, где ваши ракеты. Ракетчики твои из части каждый вечер
по деревне шаромыжничают. Они тебе за полбанки и расскажут, и еще всю ракету принесут.

– Михална, пойдем домой, хватит позорить меня, – попросил Илья Гаврилович.

Антон снова вышел на улицу и посмотрел на бесполезную бумажку в своей руке. Мимо
прошла чета Потаповых, тихо переругиваясь. Мальчик играл в телефон.

– Капитана ищите? – вдруг подал он голос, не отрываясь от телефона.

– Ты знаешь, где он живет?

– Пятьсот рублей, – сказал мальчик, поднимаясь. – Отведу.

Антон достал пятьсот рублей. Мальчик не спеша спрятал купюру, спрятал телефон, взял
удочки и, махнув рукой, сказал:

– Идите за мной.

Они прошли десять шагов вдоль железного забора отделения, подошли к следующему участку за забором деревянным. Мальчик остановился.

– Вот, – сказал он.

– Что вот?

– В этом доме.

– Прямо возле отделения? Ты не врешь?

Мальчик смерил клиента недетским тяжелым взглядом и, не ответив, медленно побрел прочь. Без особой надежды Антон толкнул калитку, она открылась. Если лучезарный капитан оказался мошенником и присвоил деньги, а судя по всему, так оно и было, то он уже наверняка далеко. Серая изба капитана не выглядела даже на одну пачку из чемоданчика, чего ему тут оставаться? Уже небось в Рио-де-Жанейро или Анапе. Антон прошел по запущенному участку и постучал в дверь. Ответа ожидаемо не последовало, но изнутри доносился смутный шум. Он толкнул и эту дверь, она тоже открылась. Похоже, Иванов, если это был действительно его дом, не любил запирается.

13

Антон ожидал увидеть что угодно – пустой дом, родственников капитана, совсем посторонних граждан, но не это. Посреди большой комнаты за большим столом сидел сам оперуполномоченный Иванов С. И., смотрел телевизор и что-то жевал. На столе блестела бутылка водки, таял шоколадный торт и, что самое удивительное, – лежал коричневый чемоданчик. Капитан глянул на вошедшего и продолжил смотреть телевизор, как будто Антон был мухой, залетевшей в окно.

Гость присел за стол и внимательно посмотрел на хозяина. Тот без сомнений был пьян. Антон покашлял.

– Будешь? – спросил капитан, поднимая полупустую бутылку.

– Нет. Спасибо, – произнес Антон. – Я насчет чемодана.

– Этого, что ли? – Иванов указал на чемоданчик.

– Этого, какого ж еще.

– Ну, понятно. – Капитан сделал одну ему известный вывод, налил себе в стакан, выпил, откусил от яблока и снова уставился в телевизор. В телевизоре кто-то катался на коньках под песню «Арлекино».

– Это чужие деньги, – сказал Антон. – и их надо вернуть.

Капитан повернулся к Антону, посмотрел на него, прищурившись, потом закурил, полюбавался струйкой дыма и сказал:

– Допустим, у моего соседа была корова.

– Допустим, – за неимением лучшего допустил Антон.

– И допустим, он мне ее отдал. Держи, говорит, Серега, мою корову. И вот живет у меня эта корова. Я с ней вожусь, пасу ее, лечу... Понимаешь? Как тебя?..

– Антон.

– Вот, Антон. У меня кум в воинской части тоже Антон. Тебя как по отчеству?

– Евгеньевич.

– Не, тот Кузьмич. Антон Кузьмич. По военному делу пошел. Хороший мужик.

Капитан положил сигарету в пепельницу, вытер рот рукавом, отрезал кусок шоколадного торта, откусил и стал жевать, глядя на фигурное катание.

– Катаются, – сказал он после паузы. – Во дают!

Антону начал надоедать этот разговор.

– Так что насчет чемодана? – напомнил он, постаравшись придать голосу строгие нотки.

– Так ты дослушай вначале. Вот, допустим, живет у меня эта корова...

В это время в машине Аслан нервно посмотрел на часы.

– Полчаса прошло.

– Свалил твой инженер, – сказал Исмаил.

– Если свалил, найду и придавлю. Идите гляньте – че как. Только это... Вы там на «их разыскивает милиция» висите. Не запалитесь.

Исмаил с Хасаном вышли из машины. Исмаил поднял воротник кожаной куртки, а Хасан надел темные очки. Охранники посмотрели друг на друга.

– Ты в этих очках как террорист, брат, – поделился Исмаил.

– Так лучше? – Хасан снял очки.

– Нет. Так тоже как террорист. Лучше, когда бороду сбреешь.

– Ты думаешь, ты кто в этой черной куртке? Энрике Иглесиас? Все в майках, ты в куртке, как бандит.

– А как я без куртки? Там пушка. – Исмаил отвел полу куртки и показал кобуру. – А ты что? Не в куртке, да?

– Я в коричневой. Коричневый – не так подозрительно.

Исмаил выругался, снял куртку, вывернул ее наизнанку и снова надел.

– Так хорошо?

Хасан оглядел золотую подкладку куртки и остался доволен другом.

– Так хорошо. Как артист! А я сейчас...

Он подошел к обочине и стал рвать одуванчики.

– Идите, ну! – крикнул Аслан, открывая стекло.

– Сейчас! – Хасан подошел к машине с букетом. – Это чтобы не спалиться, Аслан. Ты сам сказал.

Аслан оглядел своих бойцов и почувствовал, что стресс снова надвигается. Он закрыл стекло и попытался взять себя в руки.

Антон тоже боролся с нетерпением, слушая затянувшуюся историю про соседскую корову. Капитан Иванов увлекся своей притчей, вылез из-за стола и стал расхаживать по комнате.

– ...и тут, допустим, сосед приходит через много-много дней и говорит: «Где моя корова?» А теперь вопрос. Вот есть корова. – Иванов взял со стола чемодан и потряс им. – А чья она? Понятно, чья она была. Но чья она теперь? Прошло много времени...

Вместе с чемоданчиком он прошел вглубь дома и стал чем-то шуршать и греметь. Антон насторожился. Из недр избы донеслось характерное журчание. Потом послышался звук спускаемой воды, капитан вернулся и, не выпуская чемодана из рук, продолжил свои аналогии:

– Собственность. Что такое вообще собственность? Вот сосед, допустим, говорит: «Верни корову, она не моя». А чья тогда? Он просит меня, его просит кто-то еще, а того еще кто-то. Замкнутый круг. Это твой чемодан?

– Товарищ капитан, все это очень интересно, но эти люди – они не станут шутить. Я вам вчера все про них рассказал. Они стоят тут в двух шагах, с оружием и ждут. Лучше я возьму его...

Иванов положил чемодан на стол и продолжал задумчиво расхаживать по комнате.

– С оружием. Тоже, кстати, вопрос. У одного оно есть, а у другого нет. Допустим, сосед говорит...

На этом пассаже он опять углубился в темные недра своего жилья и затих.

14

Хасан с Исмаилом подошли к отделению полиции, но внутрь идти побоялись. У ворот сидел рыжий мальчик.

– Ищите кого-то? – спросил он, не отрывая глаз от телефона.

Хасан с Исмаилом переглянулись.

– Такой в спортивной куртке с капюшоном, – описал Исмаил. – Видел?

– Видел, – отвечал мальчик.

– Там внутри?

– Был внутри, но ушел.

– Куда, не знаешь?

– Пять тысяч рублей.

– Веди, – согласился Хасан.

Мальчик наконец поднял глаза от телефона, внимательно посмотрел на незнакомцев и одуванчики и сказал:

– Вначале деньги.

Хасан, ругнувшись, достал пятитысячную купюру. Мальчик встал, спрятал телефон, спрятал купюру, подхватил удочки и пошел вдоль забора. Через полминуты он остановился и указал на дом капитана Иванова.

– Здесь.

– Здесь?! За что пять тысяч?!

– За экономию времени, – ответил мальчик. – Обращайтесь.

В избе было тихо. Чемоданчик лежал на столе.

– Товарищ капитан! – позвал Антон.

Капитан не откликнулся. С улицы донеслись голоса. Антон выглянул в окошко и увидел, как по дорожке к дому идут знакомые бандиты. Он подскочил к столу и открыл чемоданчик. Тот был пуст. Антон кинулся в недра дома, распахнул одну дверь, другую и оказался на заднем крыльце. Метрах в ста, уже за забором, виднелась убегающая в сторону леса фигура капитана с мешком в руке. Антон бросился за ним как раз, когда Исмаил с Хасаном вошли в дом с другой стороны.

– Стой! – кричал Антон, перепрыгивая запущенные грядки, покрытые рваным целлофаном.

Он пробежал в открытую калитку и устремился к лесу. Капитан бежал небыстро, спотыкался, но не оглядывался. Расстояние между ними сокращалось. Антон обернулся и увидел на заднем крыльце двух людей. Они что-то кричали, жестикулировали, один говорил по телефону. Капитан Иванов добежал до сарая, стоящего у кромки леса, и скрылся в нем. Сзади послышались выстрелы. Через минуту в темный дверной проем сарая ворвался и Антон. После яркого солнца он не сразу разглядел Иванова. Беглый страж порядка возился с какой-то кучей, прикрытой мешковиной.

– Ты что, с ума сошел?! – завопил Антон. – Они стреляют!

– Ничего, – ответил капитан, – у нас тоже кое-что тут припасено.

С этими словами он откинул мешковину. Под ней холодно блестели стволы и приклады. Иванов извлек из темноты сарая козлы, поставил их в дверном проеме и водрузил на них пулемет.

По открытому пространству между забором и лесом к сараю приближались два черных внедорожника, за ними бежали Исмаил и Хасан. Раздались выстрелы, на пол упала деревяшка.

– Пригнись, – сказал капитан, склоняясь над пулеметом.

В следующую секунду он открыл шквальный огонь длинными очередями. Снаружи слышались крики и ответные выстрелы. Антон кинулся в дальний угол сарая, упал на землю и заткнул уши.

Через несколько секунд пальба стихла. Еще через несколько секунд Антон открыл глаза. В ушах звенело, в сарае висел дым, пахло горячим железом и грибами. Капитан, прикрыв глаза ладонью, проводил визуальную рекогносцировку местности. Антон на четвереньках подполз к свету и тоже выглянул наружу. На поляне дымился перевернутый внедорожник, вокруг лежали тела убитых. Антон начал их считать и насчитал четыре. Вдали, оставляя пыльный след, уменьшался второй вражеский автомобиль.

Иванов закурил, облокотился на пулемет и созерцал поле боя, как будто это был костер, закат или водопад.

– Я знал, что понадобится, – задумчиво сказал он. – Кум, Антон Кузьмич, как интендантом стал в воинской части, так я за коллекцию принялся. Вдруг, думаю, война. У меня тут и НСВ, и АКМ, и СВД. Даже один ГП-30 есть. Все списано, все по закону. НСВ – он чем хорош? Он хоть и старый, но скорострельность такая...

– Товарищ капитан, что вы наделали? – в ужасе произнес свидетель убийства Опушкин, на глазах превращаясь в соучастника массового убийства. – Они же нас теперь поубивают. А если не они, то нас посадят.

– Кто это нас посадит? – удивился Иванов.

– Ну кто, полиция...

– Кто? Наша полиция? Зачем им это нужно? Ты, Антон, образованный человек, но в этих вещах не разбираешься.

– Ну хорошо, но они – Аслан этот.

– Пусть сунутся. – Иванов погладил ветошью ствол крупнокалиберного пулемета НСВ.

– Господи, за что мне это?! – тоскливо воскликнул Антон. – Куда мне теперь?

– Оставайся, – предложил Иванов. – Мы теперь братья по оружию. Считаю, вместе воевали, отражали вражескую атаку. Будешь у меня жить, вместе веселее. Деньги теперь есть.

– Ничего я не воевал! – возмутился Антон. – Не надо меня впутывать в этот геноцид! Я жертва обстоятельств.

– Ну смотри, как знаешь, – не стал спорить капитан, снял пулемет с козел и понес его в угол.

Антон судорожно размышлял, что же ему делать дальше. Домой возвращаться нельзя, там Аслан или его люди. К маме? Если они нашли его дома, то и у мамы найдут. Надо бежать, вот что. Жил до тридцати двух лет безмятежно, а теперь надо бежать. Но куда? За границу? Или отсидеться где-нибудь, пока все не забудется?

Иванов поставил перед Антоном холщевый мешок. В нем лежали деньги из чемоданчика.

– Забирай половину, брат. У нас теперь все поровну.

У Антона не было сил спорить. Понимание того, что плохо, а что хорошо, стремительно исчезало. Если его честная попытка обратиться в милицию кончилась горой трупов, то что уж говорить о дважды украденных деньгах нечистого происхождения. Капитан взял корзинку, вытряс ее и стал перекладывать туда пачки евро.

– Вот, вроде половина, – сказал он, когда корзина наполнилась. – Погоди, мы это дело тряпочкой прикроем, вот так. Как будто с грибами.

Антон взял корзину. Деньги. Деньги – это хорошо. С деньгами можно исчезнуть. Сестра на какой-нибудь поезд... Но не через поселок. О том, чтобы идти через поле боя, не могло быть и речи.

– А если я пойду через лес, то куда приду? – спросил он.

– Вот так, если прямо, километров через пять выйдешь к Ильичевским Заимкам.

Распрощавшись с капитаном Ивановым и с ужасом отвергнув предложенный самозарядный компактный пистолет Макарова, Антон вышел из сарая и углубился в лес.

15

Он не был в лесу давно. И лес производил странное впечатление. С одной стороны, он успокаивал. Невозмутимые деревья шумели о вечном, людские страсти были для них мелковаты. Вот так же по лесу ходили его предки, кто-то с войны, кто-то на войну, люди рождались и умирали, а лес стоял.

С другой стороны – чувствительную душу дизайнера интерьеров угнетал лесной беспорядок. Все вокруг было случайно и непродуманно – под ногами валялись ветки, шишки... Антон привык знать окружающую среду, названия и функции объектов, эту среду составляющих. В лесу все было непонятно. Кроме дубов, елок и сосен, он не мог идентифицировать ни одного дерева, а тем более куста. В голове был наготове список названий – осина, ясень, какой-то даже можжевельник. И наверняка этот список соответствовал деревянным предметам вокруг. Но кто из них кто? Антону казалось, что он идет прямо. Но прошел час, за ним другой, а лес все не кончался. Он не спал предыдущую ночь, а последнее, что он съел, был бутерброд на бензоколонке рано утром. Телефон, в котором был компас, карта и часы, давно сел. Стоило сойти с проторенной дорожки, и природа в, казалось бы, цивилизованном и густо заселенном Подмоскowie живо напомнила, кто здесь главный. И человек с корзиной денег ничего не мог ей противопоставить.

Антон заблудился намного раньше, чем признался себе в этом. Иногда ему казалось, что он уже шел здесь – какое-нибудь поваленное дерево выглядело знакомым. Но проверить это было нельзя, деревья росли без штрих-кодов и серийных номеров. Под ногами попадались ягоды и грибы без инструкции с неизвестным составом и сроком годности. В другой раз Антон бы начал волноваться, искать выход, но суточный лимит эмоций и инициативы был давно исчерпан. Он просто шел, а когда уставал, садился на пенек.

Аслан тоже устал. Он тоже не спал ночь, убил Вову, потерял деньги, двух своих лучших людей и двух новых – Диму и Алика. Аслан, подтверждая свою кличку, был в бешенстве и по дороге в местный стриптиз-клуб «Нормалек», где у Красноогуреченских была штаб-квартира, впал в истерику. Он матерился, рыдал и бился головой о переднюю панель «Мерседеса», рискуя привести в действие подушку безопасности.

За рулем сидел молодой Юра. Он был возбужден погоней, перестрелкой, кровью – всем тем, о чем он мечтал, когда хотел стать бандитом. Он уже думал, что этой мечте не суждено будет сбыться и вся жизнь так и пройдет в черном костюме с рацией, в разъездах со скучным Владимиром Петровичем, но жизнь сделала крутой поворот – теперь он один из легендарных красноогуреченских! И даже прошел боевое крещение. Однако новый шеф выглядел плоховато, и Юра попытался его утешить:

– Ну ладно, ладно, Аслан Зелимханович, что вы так... Ну, бывает, работа такая. Все будет хорошо.

Осознав, что его утешает малознакомый и совсем юный кент, Аслан постарался взять себя в руки.

– Я знаю, – сказал он, сморкаясь, – это все порожняк. Но ты понимаешь... как тебя зовут, брат?

– Юрой.

– Понимаешь, Юра, ничего не могу с собой поделывать. Вот я сильный, ровный, уважаемый, да?

– Вы! Да вы же Асланчик Бешеный! Вас все боятся.

– Видишь. А иногда не могу сдержаться почему-то. Знаешь, когда фильм про собаку смотришь и там хозяин умирает, начинаешь плакать, как женщина. Вот что мне эта собака?

В гробу я ее видал! Все понимаешь, а плачешь. Так и тут. Понимаешь, что не надо реагировать. Но организм реагирует.

– Это эмоции, вызванные стрессом, – заметил Юра, который часто коротал ожидания своего бывшего шефа за чтением журналов.

– Стресс, да! Мне говорили. Этот стресс, я с ним не знаю что делать.

– Владимир Петрович, светлая память...

– Светлая, да, – отозвался Аслан.

– ...он к психологу ходил, когда у него стресс был. Специальный такой психолог, для пацанов. Не запахло к нему ходить. Владимир Петрович говорил, деньги нужны, чтобы решать проблемы. Если у меня психологическая проблема, говорил, я заплачу и не будет проблемы.

– Не запахло, говоришь?

– Не, реальный психолог, ровный, к нему много наших ходит.

– Отвечаешь?

– Отвечаю.

Аслан поморщился при мысли о том, что кому-то, пусть даже ровному и реальному, придется рассказывать о своем внутреннем мире. Откровенничать он умел только в молитве Аллаху, да и там разговоры в основном шли о бизнесе. Беседа с Юрой уже начинала тяготить.

– Ладно, подумая, – сказал он. – Забудь пока.

Аслан вылез из машины, отпустил Юру и немного постоял перед дверью своего основательного дома, одного из самых больших в Красных Огурцах. Каждый раз, когда надо было войти домой и увидеть лица самых любимых людей, он немного преодолевал себя, как перед прыжком в холодную воду. Только одно небольшое усилие – и дальше все пойдет хорошо. Переход из уютной среды вымогательств и убийств в агрессивную атмосферу семьи давался в последнее время все труднее. Взяв себя в руки, он сложил на лице виноватую улыбку и открыл ворота.

Сусанна гремела посудой на кухне, из детской части дома доносились крики детей.

– Привет, – осторожно сказал Аслан, заходя на кухню, – вот и я...

Жена ожесточенно двигала кастрюлю по плите и не оборачивалась. Все восемьдесят килограммов ее тела испускали опасное напряжение, как неразорвавшаяся мина. Аслан осторожно чмокнул жену в потный валик затылка и сел за стол. Сусанна делала вид, что его нет.

– Эй, женщина! – полушутливо сказал Аслан. – Муж пришел. Обед давай.

– Муж?! – сдетонировала мина. – За что? Объясни мне, за что?!

Она обернулась, уткнула мощные руки в бока и впилась в мужа взглядом, как будто действительно ждала ответа.

– За что мне это? Объясни мне, что я сделала в жизни плохого, что Бог меня так наказывает? – Она мокрым шлепком прихлопнула лицо ладонью. – Господи! Когда же! Это! Кончится!

Дома все как обычно, подумал Аслан. Сусанна уже несколько лет существовала в режиме перманентного эмоционального взрыва. Этот взрыв вопреки законам физики был устойчивым явлением, со своей устойчивой логикой. В эпицентре находилась она, Сусанна, которая больше не может так жить. Катализатором этого феномена служил Аслан. Считалось, что он мучает Сусанну и испортил ей жизнь. Внутри взрыва Сусанне жилось не так плохо, жертва, которую она каждый день приносила, состоя в браке с Асланом, стала ее призванием, то есть дарила смысл и занимала время. Мучился же в основном сам Аслан.

– Что ты орешь? – привычно осведомился он.

– Что я ору? Тебя не было целые сутки! Где ты был?

– Работал...

– Знаю я твою работу! – Женщина-взрыв тем не менее поставила перед мужем тарелку супа. – Убил кого-нибудь?

– Сусанна...

– Или с очередной шлюхой?..

– Никого я убивал! И не было никаких шлюх.

– Поклянись!

– Клянусь.

– Поклянись детьми!

В этот раз детьми поклясться Аслан не мог по обоим пунктам обвинения. Он бы с удовольствием поклялся Сусанной или ее мамой, но дети... Аслан чувствовал, как на него снова надвигается стресс. Он машинально достал пистолет и передернул затвор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.